

© **Леонард И. Ибраев**
(Россия, Йошкар-Ола)

Наяпитековые истоки человека.*

Резюме

Новая теория происхождения человека от прибрежные **полуводных** наядпитеков, бесшерстных, большеголовых и двуногих, противостоит как традиционному и Дарвинову представлению человеческих предков волосатыми, маломозглыми и неуклюжими на земле лесными выходцами в саванну, так и скандальной “водной гипотезе” *М. Вестенхёфера* и *А. Харди*, выведению людей из приморских амфибиозных “голых обезьян”.

Наяпитеки обитали три-два миллиона лет назад, в плиоцене, по берегам рек, ручьев и озер в полусаванной предгорной местности, бродили по мелководью, часто ныряли и плавали и питались ловлей и собиранием раков, лягушек, застрявшей на мели рыбы, черепах, моллюсков, птичьих яиц, прибрежных ягод, фруктов и других плодов, корней и насекомых и использовали для ловли и вскрытия раковин и панцирей расколотую гальку, палки и кости.

Теория имеет хорошие **доказательства** данными морфофизиологии, одонтологии, приматологии, этологии, экологии и прямое – палеоантропологическими находками их **окаменелых остатков**.

Она дает **объяснение** противоречий существующих симиальных концепций антропогенеза, показывает **причины и процесс** формирования человека, нашей анатомии, **языка и мышления**, – в связи с прогрессом орудий и методов производства, потребления и социализации.

1. Парадоксы антропогенеза

Происхождение людей от антропоидных обезьян подтверждается сходством их анатомии, физиологии, этологии, а также находками костных остатков промежуточных ископаемых существ – “*питекантропов*” (букв. “обезьянолюдей”) и в целом не вызывает в современном естествознании сомнений.

Однако при всем том в симиальной гипотезе антропогенеза остается немало серьезных противоречий и загадок, нередко замалчиваемых, или используемых антидарвинистами, или вовсе не замечаемых.

* По книге: © **Леонард И. Ибраев**. **Наяпитеки. Происхождение человека**. Изд. «Стринг», – 2009 -10.-112 с., ил. Изд. 5-е, + доп. ISBN 978-5-91716-035-1

Ныне методы молекулярной гибридизации – мера восстановления (ренатурации) двойной спирали ДНК из ее фрагментов, взятых из разных организмов, следовательно, мера их комплементарности, показывают высокую степень фенетического родства приматов также и по строению *генов*¹. Биология установила одинаковость (гомологичность) более чем на 95% их генных локусов и белкового состава организма.

Правда, это мало что доказывает, ибо геном человека по количеству и составу генов, увы, почти не отличается от генома не то, что шимпанзе, но и мыши. Но не считать же, что люди произошли от мышей? Получается абсурд, или, как деликатнее назвал эту ситуацию в генетике академик Л.Л. Киселев², “парадокс”. Или не гены определяют морфологию организмов? Но тогда почему же, несмотря на почти тождество их геномов, организмы бывают столь радикально отличны друг от друга? Современная теория в генетике, получается, в чем-то существенном *упроощена* и пока не видит выхода из этого противоречия.

Доказательнее другие сравнения.

Иммунологическое (серологическое) сравнение показывает близкое родство человека с шимпанзе и гориллами по крови – сходству реакции на нее антигенов эритроцитов других животных и даже по группам крови.

Приспособление большинства приматов к *древесной жизни*, лазанию по ветвям, отысканию и срыванию плодов и подборанию насекомых развили у них пятипалые *хватательные конечности* – с исключительно высокой подвижностью, обеспечиваемой наличием ключицы и несращенностью друг с другом лучевой и локтевой кости, благодаря этому их свободным вращением относительно друг друга. Хотя у обезьян ключица много меньше и тоньше человеческой, но унаследована еще от их мезозойских предков – насекомоядных.

У большинства обезьян хватательными являются даже все четыре лапы.

Цепкость *кистей лап* создается развитыми пальцами и противопоставлением первого – большого пальца остальным. Такое строение обезьяньих лап, несомненно, является предпосылкой развития из них человеческих рук, когда приматы спустились на землю и стали передвигаться на задних конечностях.

Разнообразное импровизационное передвижение в сложном трехмерном пространстве древесных крон и головокружительные прыжки и броски с ветви на ветвь вызывали постоянную необходимость точно определять расстояния, чувственно-двигательно предвидеть и сообразовывать результаты своих действий, а потому усиленное развитие *зрения*, увеличение зрительной и теменной кинестетической коры головного мозга, изменение формы *морды*, ее укорочение и расположение под углом (базикринальным) к позвоночнику, увели-

¹ *Molecular anthropology. Genus and proteins in the evolutionary ascent of the Primates.* New York – London, 1976. Фридман Э.П. Приматы. М.. 1979, с.203 – 204..

² Киселев Л.Л. Парадоксы биологии человека. // Человек. 2004, № 4, с.42-48

чение глаз, сближение и обращение вперед глазниц, наложение полей зрения и, таким образом, получение объемного **бинокулярного** (стереоскопического) зрения – восприятие глубины пространства и положения в нем предметов и преобладание его над обонянием, поскольку на деревьях пахучие следы остаются малыми пятнами, разделенными большими расстояниями, и издали не воспринимаемы.

Такое зрение и передние лапы дали им беспрецедентную точность движений и способность к ощупыванию, доставанию, срыванию, удару, сдвигу, обламыванию, хватанию, собиранию, удержанию, раскалыванию, поддеванию, просовыванию и многим другим манипуляциям с предметами, совершенно не доступным для других животных.

Дневному образу жизни антропоидов соответствует **цветность** их зрения, – наличие в сетчатке колбочек, желтого пятна (*macula lutea*) и центральной ямки (*fovea centralis*).

Однако при всей глубине сходства, с другой стороны, столь же несомненно существенное отличие человека от его современных ближайших животных родственников.

Принципиально различны уже способы их передвижения (локомоции).

В человеческом организме сохраняются свидетельства передвижения его предков по деревьям путем **брахиации** – раскачивания на длинных передних лапах и бросков тела с ветви на ветвь, с дерева на дерево на удивительно (для нас) большие расстояния. Таков папиллярный узор из кожных гребешков на ладонях и ступнях, ширина плеч, особенности мышц груди и перекрест волокон широчайшей мышцы спины, увеличивающий силу подтягивания тела. Как устанавливают доскональные сравнительно-морфологические исследования (*Юровская В.З., 1973*), такой же перекрест мышц есть у каоты, гиббона, шимпанзе, но отсутствуют у низших узконосых обезьян.

Но человеческие **ноги** велики и сильны – явно в приспособлении к перемещению наземному, хотя и не очень быстрому, но совсем не пригодны для хватания ветвей, как делают рукообразные стопы обезьян. Вся костно-мышечная система человека, его чересчур большие и негибкие ноги и слабые руки явно не пригодны для быстрого лазанья и скачков по деревьям путем раскачивания и свидетельствуют, что брахиация была у наших отдаленных предков, но, вопреки Ч. Дарвину (т.5, с.269), невозможна для ближайших животных предков.

Человек обрел руки благодаря тому, что встал на ноги. Но почему он встал на ноги?

Почему обезьяньи предки людей, слезая с деревьев, не опустили на все четыре лапы, как полуназемные мартышки, макаки, мандрилы и наземные павианы и другие четвероногие обезьяны, но выбрали столь странный способ передвижения? Несмотря на то, что четвероногий ход намного легче и быст-

рее. Максимальная скорость бега для человека, даже для чемпионов, всего каких-то ~ 25-30 км/час, а у четвероногих легко превосходит 60 км/час, – не удивительно, что он используется всеми нынешними наземными церкопитековыми обезьянами. Почему же наши предки выбрали такой странный – *самый трудный и медленный* способ передвижения?

Почему ни одна другая форма обезьян, ни древесных, ни церкопитековых, не перешла к **двуногому** хождению?

Объясняется ли ортоградность потребностью в расширении кругозора для ориентировки в окружающей местности: люди выпрямились, чтобы дальше видеть поверх высокой травы саванн, – как часто предполагают? Но ведь такая потребность есть у большинства млекопитающих.

Долгое время у нас наиболее основательным казалось Энгельсово объяснение: прямохождение – результат трудовой деятельности, занятости передних лап палкой или камнем.

Однако почему одни обезьяны перешли к систематическому использованию и изготовлению орудий и труду, а другие нет? Почему, например, не очеловечились ближайшие родичи людей – шимпанзе, которые тоже миллионы лет обитают преимущественно на земле, стадами и часто применяют палки для добывания меда из пчелиных гнезд, ловли муравьев и термитов, бросают камни и палки в леопарда?

Продолжающиеся с 1924 г. находки в Южной и Восточной Африке костных останков ископаемых человекообразных приматов – *австралопитеков* (от лат. *australis* – южный + греч. *pithekos* – обезьяна) поразили: человекообразное строение костей их стопы, голеностопного сустава и таза, сдвинутое положение затылочного отверстия черепа, незначительность затылочного гребня (*torus occipitalis*) и, стало быть, слабость затылочной мускулатуры и свободная балансировка головы на шее – все свидетельствует об их выпрямленном двуногом передвижении.

Наконец, в 1974 г. в Летоли (Танзания) в слое окаменевшего вулканического пепла древностью свыше 3,5 млн. лет были обнаружены сами *следы стоп* прямоходящего двуногого существа, должно быть, австралопитека.

Эти открытия потрясли традиционные представления о происхождении человека. Как морфология ископаемых презинджантропов, так и сами следы двух стоп показали, что двуногое вертикальное хождение началось не 700 тыс. лет назад, а – по датировке радиоизотопным калий-аргоновым анализом окружающих пород – на миллионы лет раньше, в конце плиоцена, когда еще не было орудий, и, следовательно, на миллионы лет *предшествовало труду*.

И это надо было предвидеть. Без сомнения, труд привел к совершенствованию прямохождения, но прямохождение – **предпосылка** освобождения передних конечностей для труда.

Тогда откуда же прямохождение? – возвращается вопрос.

Отличие людей от ныне живущих человекообразных обезьян так существенно, что заставляет многих антропологов прийти к заключению:

1. Современные обезьяны – не предки людей, а боковые ветви; их сходство возникло конвергентно, вследствие происхождения от какого-то общего еще более древнего предка.

2. Древесный предок человека – заблуждение. Люди произошли не от древолазящих обезьян, а от наземных приматов, вымерших ещё в неогене.

Однако люди существенно отличны также и от ископаемых антропоидов, в том числе и от *питекантропов* (“*Homo erectus*”) с их длинными руками, низким вытянутым черепом, огромными челюстями, зубами и толстым надбровным валиком, – обстоятельство, давно толкающее некоторых известных палеонтологов к гипотезе происхождения человека не от обезьян и даже не от питекантропов, которых они считают тупиковыми боковыми родственниками, а от предшествующих им существ, еще в неогене обладавших прямохождением, руками и другими человеческими чертами.

Но если человек развился **не** из **известных** понгидов, как ныне живущих, так и ископаемых, – то из кого же? Какими были эти животные предки человека? Какой вели образ жизни? Это до сих пор неизвестно.

Последние, второй половины 20 – начала 21 века, палеоантропологические открытия в Африке создали еще более парадоксальную ситуацию: найденные Л., М. и Р.Лики и другими исследователями в Олдувайском ущелье, а также возле озера Туркана (Рудольфа), реки Омо и в других местах кости существ, названных ими *Homo habilis* (“человек умелый”), или “президжантроп”, оказались, по почти общепринятым оценкам, имеющими древность около 2,4 - 1,5 миллионов лет и, во всяком случае, современниками австралопитеков, но морфологически они значительно ближе к человеку (*Homo sapiens*) и употребляли в качестве орудий расколотую гальку.

Как же так?

Эти **более ранние** гоминоиды во многих отношениях **ближе к современному** человеку, чем более **поздние** питекантропы, с их длинными руками, огромными зубами и надбровным валиком, и – настолько, что со времен А. Валлуа, Г.Осборна и Г.Хеберера многие известные палеоантропологи отказываются признавать в последних человеческого предка.

Как в одной и той же экологической нише в одно и то же время могли миллионы лет сосуществовать столь разные формы антропоидов, как разнообразные австралопитеки и несравненно более прогрессивные хабилисы?

Австралопитеки и хабилисы были одинаково прямоходящими, со значительным объемом мозга – в среднем соответственно 520 и 650 см³ – и сосуществовали миллионы лет.

Почему же австралопитеки остались неизменными и около миллиона лет назад вымерли, но так и не обратились к труду, хотя они миллионы лет

были полупрямоходящими, употребляли мясо и часто использовали палки и кости?

Долгое время считали, что “ведущим фактором” в превращении обезьян в человека было ухудшение условий жизни в ледниковую пору и переход от растительной пищи к мясной. Но, по давним наблюдениям экологов, павианы и шимпанзе тоже нередко охотятся на мелких животных и едят мясо. Австралопитеки грацильные по всем признакам миллионы лет употребляли в основном мясную пищу, но, так и не превратившись в людей, вымерли.

Но в происхождении человека остается много ещё и другого загадочного и неясного.

При опасности птицы взмывают в воздух, копытные убегают, обезьяны укрываются на деревьях или скалах. Как животные предки людей при медлительности передвижения и отсутствии иных орудий, кроме жалких палок и камней, *спасались от хищников*, к тому же нередко нападающих стаями, особенно львы, волки, гиены, шакалы, собаки?

От этого неприятного вопроса не отмахнуться обычной ссылкой на пример шимпанзе: как-то же они выживают? – не обращая внимание, что полудревесные шимпанзе, избегают открытой саванны, а держатся возле деревьев и в опасности быстро взбираются на них, на что люди мало способны.

В свое время наши наиболее авторитетные и критичные антропологи М.Ф. Нестурх и Б.Ф. Поршнева откровенно признавались, что не в силах представить себе это. Б.Ф. Поршнева вынужден даже предполагать прямо фантастическую картину: спасение наземных приматов с помощью “интердикции” – знакового общения с хищниками (уж не уговорами ли?) или пристальным “гипнотизирующим взглядом”: “хищные не могут долго выдержать взгляд человека”.

К нерешенным проблемам антропогенеза относятся также таинственные причины утраты людьми шерстяного покрова, хотя даже в тропиках по ночам холодно и все обезьяны *сохраняют шерсть*. Для обезьян совершенно необычно крайнее поредение шерсти на теле, но характерные для людей длинные пучки волос на темени, подбородке, лобке и подмышками. Откуда эта шапка волос на голове человека, роскошная густая грива, какой нет ни у одной обезьяны?

Проницательная Красная Шапочка пришла в недоумение от странных зубов Серого Волка - бабушки. Но гораздо удивительнее *человеческие зубы*: если предки человека были охотниками и питались мясом, то почему его челюсти и зубы слабы для сырого мяса, а *кишечник* относительно тела почти вдвое длиннее, чем у плотоядных? Притом челюсти значительно уменьшены уже у презинджантропов, хотя те огнем не пользовались и размягчить на нем пищу не могли.

Чем же питались человеческие предки?

Каковы функциональные причины различий между зубами человека и других приматов?

В строении зубов у обезьян и людей есть общее: смешанному разнообразию питания приматов соответствует отсутствие у них однородной специализации зубов (гомодонтности); наоборот, у них есть зубы всех видов: резцы, клыки, премоляры и моляры (коренные) – для растирания пищи (*гетеродонтность*).

Но в строении зубов и челюстей обезьяны и человека есть столь существенные различия, что они давно стали признаками для определения вида и классификации ископаемых приматов. Однако каковы функциональные причины этих различий? Объяснения для большей их части до сих пор нет, поскольку питание большинства приматов считается одинаковым: всеядные.

Малые размеры лица и особенно челюстей человека по сравнению с головой в целом, конечно, облегчают речь; но их уменьшенность, небольшие зубы, редуцированные клыки, отсутствие на темени костного стреловидного продольного (сагиттального) гребня и соответственно слабость челюстной мускулатуры делают жевательный аппарат людей слишком слабым для сырого мяса.

Среди современных обезьян совсем немногие насекомоядны или, как гориллы, растительноядны. Большинство – всеядны: питаются плодами, листьями, насекомыми, яйцами птиц, иногда мясом мелких животных – и отношение длины *кишечника* к длине тела у них равно 6,8. Если обезьяньи предки людей были охотниками – мясоедами, то почему у людей такой длинный кишечник: отношение к длине тела равно 5,6, – что почти вдвое больше, чем у плотоядных (3,7) и такие слабые для мяса челюсти и зубы?

Как объяснить это противоречие?

Может быть, ослабление челюстей – результат размягчения пищи огнем? Но челюсти значительно уменьшены уже у олдувайских хабилисов, а клыки редуцированы уже у австралопитековых, хотя ни те, ни другие не употребляли огня.

И почему у людей такие слабые *клыки*? Разве они не дают преимуществ в той же охоте и поедании мяса?

Вслед за Дарвиным обычно считают, что люди пользовались орудиями и огнем – и клыки им стали не нужны. Английский антрополог К.Джолли верно подметил в этом объяснении замкнутый круг: чтобы были нужны орудия, клыки уже должны быть маленькими. Да и при орудиях клыки не мешали бы.

Сам Джолли усматривает причину в употреблении предлюдьми семян злаков, разжевыванию которых клыки мешали. Однако павианы, шимпанзе и другие современные обезьяны любят зерно, но клыки им не мешают.

Неизвестно происхождение выступающего *носа* с повернутыми почему-то вниз *ноздрами*. “До сих пор никому еще не удавалось удовлетворительно объяснить функциональную значимость этой области в рамках морфологии человека”. (Алексеев В.П., 1983, с.193). Как правило, антропологи считают его приспособлением к климату, – необходимостью согревания воздуха в изогнутых каналах носа для защиты от переохлаждения.

Но почему же нос мало выпукл у монголоидов, давно заселивших суровую Сибирь, но выступает у негроидов в их жарком африканском климате?

Не имеет общепринятого объяснения также возникновение у людей *подбородочного выступа*, отсутствующего у обезьян.

Наконец, по каким причинам так укоротились и ослабели передние конечности людей по сравнению с обезьяньими лапами? Более сильные *руки* дают явные преимущества в охоте и труде, особенно с примитивными орудиями; следовательно, руки не могли ослабеть в филогенезе гоминид; это должно было произойти еще у животных предков людей. Но почему?

Мы уж не говорим об общеизвестных кричащих противоречиях, – таких как бóльшая физическая близость к современному типу людей более ранних гоминоидов, чем поздних, или генетически невероятная быстрота (как обычно полагают, за 4-5 тысячелетий) превращения питекантропа в современного человека (*Homo sapiens*), появления кроманьонцев и многое другое.

В чем причина такого множества загадок в морфологии и происхождении человека?

Столь многочисленные тайны и тотальная дискуссионность в реконструкции исходной формы человека свидетельствуют о том, что в современной теории антропогенеза есть какой-то крупный фундаментальный пробел.

2. Наяпитеки

Мне думается, многие противоречия и неясности в понимании антропогенеза устраниются выдвинутой мною в 1985 г. его наяпитековой теорией.

Непосредственными предками людей были вовсе не волосатые, маломозглые и неуклюжие на земле выходцы из леса, как по Ч.Дарвину предполагается в традиционной теории, именуемой ныне “саванной”, а прибрежные ***полуводные – полуназемные*** обезьяны, бесшерстные, большеголовые и *двуногие*. Назовем их (по имени речных нимф – наяд в греческих мифах) наяпитеками (*Pithecus naias*).

Береговые обезьяны обитали в неогене по берегам рек, ручьев, озер и других пресноводных водоемов в полусаванной предгорной местности и вели полуводную жизнь.

Они бродили по берегу и мелководью, каменистому, илистому или песчаному, нередко плавали и ныряли и питались ловлей и собиранием раков, застрявшей на мели рыбы, лягушек, моллюсков, ящериц, черепах, грызунов и

других мелких животных, птичьих яиц, прибрежных ягод, фруктов и других плодов, корней и насекомых и использовали для ловли и вскрытия раковин и панцирей и других своих операций расколотую гальку, палки и кости.

Такая пища наиболее близка к традиционной для приматов и наиболее им доступна. И сегодня случаи охоты на крабов в устье рек отмечены у зеленых мартышек Южного Сенегала, хотя в основном те обитают и питаются на деревьях мангрового леса, а также у яванских макак (*Macaca fascicularis*) Индокитая, Малакки и Малайского архипелага, именуемых за это крабоедами. Иногда они используют для охоты даже камни.

Прежнее древесное существование развило у наяпитеков гибкие и цепкие пятипалые лапы, ловкие пальцы, цветное и объемное *бинокулярное* зрение – восприятие глубины пространства и положения в нем предметов и преобладание его над обонянием (см. гл. 1), исключительную пространственную координацию и точность движений, увеличенную затылочную зрительную и теменную кинестетическую кору головного мозга, стало быть, сообразительность, – хорошо подготовило их к такому способу прибрежной жизни, какую не ведет ни одно другое животное.

Необходимость расщеплять раковины и панцири и наличие, как говорится, под рукой обкатанных водой камней – *гальки* естественно привело береговых обезьян к использованию этих камней и палок или костей, – и не только для разбивания раковин, панцирей и скорлупы, но и для их метания в лягушек, рыб, птиц, рептилий, раскапывания нор мышей, землероек и других мелких животных, выкапывания съедобных корней, клубней и т.п.

Сперва орудиями служили камни, палки и кости просто подобранные; потом наяпитеки перешли к отбору наиболее удобных, заостренных и, наконец, к их изготовлению: тот же стереотип раскалывания камнями раковин и панцирей был перенесен на сами камни для получения у них острых и рубящих краев.

Разумеется, наяпитеки существенно отличались от других антропоидов и от современных людей, – особенно по уровню развития мозга, строению челюстей, лица и анатомической способности к речевой артикуляции, но, тем не менее, из всех приматов они были наиболее близки к современному человеку и явились его прямыми предками.

Ныне наяпитеки не существуют именно потому, что они давно эволюционировали в людей. Но в таком случае как нам убедиться, что наяпитеки существовали и именно они были нашими предками?

3. Актуалистическое доказательство наяпитековой теории

Доказательством нарисованной картины антропогенеза служат ее следствия, дающие *объяснение* морфофизиологических особенностей человека, *разрешение* множества *противоречий* современных концепций его происхождения и *предсказания* новых направлений и географии поиска древних гоминидов и гоминид.

Адаптация в полуводной жизни и занятость передних лап добыванием пищи воспрепятствовала наяпитекам опуститься на четвереньки и принудила к *двуногому прямохождению*. А дно мелководий, часто мягкое, потребовало *больших плоских ступней*.

Надо думать, древесные предки прибрежных обезьян, как все приматы, были шерстисты. Об этом свидетельствует обычное обилие волосяных луковиц в коже человека. Однако полуводное существование под палящим тропическим солнцем, от которого посреди водоема уже не может защитить ни тень прибрежных деревьев, но и ни вода, часто достающая лишь по колено или по щиколотку, а потом – переохлаждение от мокрой шерсти в тени привели наяпитеков к *утрате шерстяного* покрова, точнее – к редукции волос, сделало их обычно столь тонкими и короткими, что невооруженным глазом мало различимыми. На темени же, реже окунаемом в воду и особенно страдающем от солнца, **волосы**, наоборот, даже выросли в настоящую шапку – как укрытие головы от солнца.

Предвижу сомнение: отчего же не утратили волосяного покрова норки, бобры, выдры, каланы, ондатры и многие другие животные, тоже полуводные? Действительно, их мех, наоборот, стал даже прочнее и приобрел способность слабо намочить или совсем не смачиваться. Однако экологические условия и образ жизни подобных животных существенно иные: они либо целиком погружаются в воду, либо, вылезая на берег, имеют возможность спрятаться в тени или тепле, да и обитают часто в холодном климате, а не бродят, как наяпитеки, по мелководью на открытой местности на тропическом солнцепеке.

Нырание развило у наяпитеков рефлекторное замедление частоты сердцебиения (*брадикардию*) при погружении в воду, хотя, разумеется, не столь сильное, как у китовых. Впрочем, оно наблюдается также и у других млекопитающих, вполне сухопутных, таких, как собаки.

Близкое объяснение перехода антропоидов к прямохождению, брадикардии, обесшерстения и других особенностей предложили в 1923 и 1942 годах немецкий патологоанатом М. Вестенхёфер (*Max Westenhöfer*) и в 1960 году английский биоокеанолог А. Харди (*A.C. Hardy*), предположив, что предками

людей были морские или приморские обезьяны, обитавшие в конце плиоцена в океане или на песчаных берегах приморских лагун (pp. 642-645).

Как видим, их догадка о **гидрогенности** многих особенностей человеческого организма весьма основательна. Однако маринологическая увлеченность привела их к идее *морского* поселения человеческих предков и к *чрезмерному уподоблению* их морским млекопитающим, даже таким полностью водным, как дельфины, киты, тюлени и другие ластоногие. А это толкает их последователей на всякие нелепости, – вплоть до смешной трактовки кожных складок между пальцами у людей атавизмами плавательных перепонки, или идеи водных родов, или отождествления подводной задержки дыхания ныряльщиками с регуляцией дыхания китами и ластоногими, хотя те при погружении не задерживают дыхание, а, наоборот, изгоняют воздух из легких, но запасают кислород в крови и в миоглобине мышц.

Но главное – идея М. Вестенхёфера и А. Харди, обращенная в дали моря, уводит от известных палеоантропологии окаменелых следов антропогенеза и осталась без *палеонтологических доказательств* (См. здесь гл. 4), – и их морские или приморские амфибиозные обезьяны превратились в фантастические и неуловимые призраки и не могли быть признаны большинством палеоантропологов, предпочитающих конкретные *эмпирические* исследования.

Публикации маринистов быстро обрели популярность среди студентов и ученых – неспециалистов, но ни одну из них не принимали ни в одном научном журнале по антропологии или смежным дисциплинам, оставляя аутсайдера прозябать где-то на границе псевдонауки и веры. И самым разящим оружием критиков было торжествующее уличение: «А где же ископаемые окаменелости ваших водных обезьян?»

И это требование обращало маринистов в смущенное отступление.

С характерным безоглядным апломбом любителей такие акватисты, ударяясь в конкретику, игнорировали многочисленные фактические детали, обсуждение квалифицированных мнений экспертов и сложный теоретический анализ противоречий в накопленных материалах, и в итоге нагородили немало попаданий впросак, чем порядком дискредитировали идею и посеяли к ней предубеждение среди академических авгуров, естественно, раздраженных вторжением в их святилище возмутительной ереси профанов, да ещё с покушением на их положение и престиж. Тем самым борцы за идею открыли снобам поле для просмеивания их водных промахов, а также, особенно вначале, как водится, поле для защиты от ахинеи позой высокомерного игнорирования недостойных того, чтобы такие маститые светила, как они, воспринимали её всерьез.

И не без основания. Морская гипотеза, в самом деле, сводится преимущественно к сравнительной анатомии водных и наземных млекопитающих, но

уходит от их анализа и от известных палеоантропологии окаменелых следов антропогенеза и осталась без *палеонтологических доказательств*.

Поэтому хотя выведение людей от “земноводных обезьян” нашло среди теоретиков антропогенеза некоторых авторитетных сторонников (у нас, например, Д.В. Панфилов, с. 305-307), а иные из них: Д. Пилбим (*Pilbeam D.*, 1987), Б. Вуд (*Wood B.A.* 1987), К. Хант (*Hunt H. D.* 1994), Ф. Тобиас (*Tobias P. V.*) и другие – со временем даже стали называть старую “саванную” теорию устарелой, тем не менее гипотеза Вестенхёфера – Харди не получила общего признания в науке. Не помогла даже ее воодушевленная поддержка в 1989 г. известным шведским биологом Я. Линдбладом, автором популярных в Европе телесериалов о жизни животных.

Однако смелый публичный напор дилетантов на поразительные факты, их задиристые и упрямые **ВЫЗОВЫ** специалистам **ОБЪЯСНИТЬ** общественности эти странные различия между людьми и обезьянами, провозглашенными тем не менее “человекообразными” (антропоидами) и родственниками наших предков, а, с другой стороны, непонятные сходства людей с водными млекопитающими, всё же вынуждали антропологов старой школы что-то бормотать в ответ – хотя бы невразумительно, – а их уязвлённость своим бессилием заставляла искать эти объяснения.

В конце концов, в 1987 г. в голландском городе Валкенбурге была организована конференция для дискуссии между сторонниками и противниками теории – с публикацией материалов: *The Aquatic Ape: Fact or Fiction? Valkenburg*, 1991. С тех пор подобные дебаты проводились многократно. В итоге первоначальные “морские” версии “акватической теории” были отвергнуты как бездоказательные и фантастические спекуляции, но наземные **полуводные** концепции начала антропогенеза признаны достойными дальнейших исследований в палеоантропологии – и ныне эти водные и другие “экологические факторы” эволюции давно фигурируют даже в учебниках для студентов, как, например, у кембриджского профессора и академика Р. Фоли (*Foley R.*, 1995, 2009), популярного британского популяризатора Р. Левина (*Lewin R.*, 2003, 2005) или калифорнийского профессора и академика Ф.К. Хауэлла (*Howell, F. C.*, 1996).

Таким образом, можно констатировать, что морская версия антропогенеза по Вестенхёферу – Харди не выдержала проверки и уже уходит, но идея наших **полуводных** – **полуназемных** предков по существу стала в мировой науке почти общепризнанной.

Наяпитековая теория дала анализ и объяснение вышеописанных противоречий и нерешённых проблем («загадок») существующих симиальных концепций антропогенеза, показывая его факторы и процессы в органическом соединении в доказательствах актуалистического подхода с интерпретацией тра-

диционных в палеоантропологии эмпирических исследований ископаемых окаменелостей.

Беда маринизма не просто в отсутствии прямых материальных доказательств. Беда серьезнее – подобные приморские обезьяны **НЕВОЗМОЖНЫ**.

В тропиках морские побережья и лиманы всюду, где есть влага, зарастают непроходимыми мангровыми лесами со сплошным частоколом ходульных и воздушных корней. Притом мангры не только вплотную подходят к воде, но и уходят от берега далеко в море, покрывая даже всю полосу приливов (литораль), и не оставляют обезьянам иного выхода, кроме как либо уйти в море, либо влезть на деревья.

Свободные песчаные или скалистые берега в тропиках есть там, где нет пресной воды или чересчур сильны прибои, но тогда каким образом обезьяны могли бы здесь утолить жажду, частую и сильную на экваториальном солнце-пеке? И чем бы они кормились здесь в штормовую погоду, которая может длиться днями, неделями и даже месяцами?

Как видим, на взморье такие обезьяны не смогли бы выжить. Закономерно, что никаких полуназемных млекопитающих, подобным речным норкам и бобрам, в приморье не существует. Море слишком сурово, чтобы терпеть половинчатость. Тюлени, моржи, каланы, ламантины, котики и другие ластоногие, и еще больше киты и дельфины вынуждены были целиком уйти в море, и только некоторые их виды ненадолго выбираются на берег для отдыха и родов.

Таким образом, предками людей были обезьяны, во-1) не приморские, а пресноводные, именно **приречные и приозерные**. Хотя, понятно, временами они могли заходить промышлять и на взморье, однако на участках, укрытых от штормов и свободных от мангр, но обеспеченных пресной водой, то есть вблизи устьев рек и ручьев и в хорошую погоду.

Во-2) человеческие предки были обезьяны вовсе *не* водные, а лишь **полуводные** и, значит, **полуназемные**.

А это принципиально важно, избавляет нас от хардинских преувеличений и передержек и открывает необходимые доказательства наяпитеков.

Так, – соответственно – не то, что у наших обезьяньих предков, но даже у современных людей шерсть утрачена не полностью, а, как здесь отмечается, лишь редуцирована, а нередко весьма заметна волосатость тела, особенно у мужчин. Полностью же шерсть утратили не полуводные, а именно полностью водные киты и ластоногие, которым для охоты нужна высокая скорость плавания, а благодаря их значительным размерам отношение площади поверхности их тела к его объему мало и потеря тепла медленнее.

Наяпитековое происхождение человека объясняет и другие особенности его исходной этологии и морфологии.

В холодных краях полуводные млекопитающие, такие, как тюлени или моржи, утратив шерсть, заменили ее *подкожным жиром*. Вот почему оголение кожи и у предков людей тоже дополнилось развитием подкожного жира (при этом уже у новорожденных, то есть независимо от диеты), – как у кабанов, бегемотов, носорогов и других полуводных млекопитающих жаркого климата. Разумеется, у людей такой жировой слой не столь толст, однако все же существенно толще, чем у павианов и других сухопутных обезьян. Конечно, подкожный жир – это в первую очередь запас питательных веществ, а теплоизолятор неважный, однако в тропическом климате сильный изолятор наядитекам и не требовался.

Сверх того, функции защиты от перегрева на солнце служило увеличение количества *потовых желез* – до двух-пяти миллионов, что гораздо больше, чем у остальных приматов, и до сих пор не находит в антропологии объяснения, а также *потемнение кожи* под солнечными лучами – **загар**, вызываемый усиленным образованием особого пигмента – меланина, и предохраняющим от перегрева кровеносные сосуды, лежащие глубже под кожей.

Благодаря усиленному испарению через кожу человеческий организм способен выдерживать чудовищную тропическую жару в 40-50° С, однако – при достаточно сухом и ветреном воздухе. Здесь еще одно свидетельство, что наши предки были обитателями именно полусаванн, ибо высокая влажность тропических лесов приводит людей к тепловому удару даже при более низких температурах.

Давно уже Р.В.Ньюмен (*Newman R. W.*, 1970) обратил внимание на такое многозначительное обстоятельство – то, как исключительно трудно переносят люди обезвоживание – жажду, и заключил отсюда, что наши животные предки зависели от небольшого по объему, но *частого* питья, и связал эту потребность с обильным *потоотделением* в приспособление к сильной солнечной радиации на открытой местности. Правда, такую среду он видел просто в саваннах, хотя очевидно, что необходимое сочетание вынужденного нахождения на солнцепеке и постоянного наличия рядом воды обеспечивают только саванные пресные водоемы.

Волосы у наядитеков остались только под мышками, – видимо, как защита от слипания и трения кожи при движении рук; а на темени, реже окунаемой в воду, волосы даже выросли в густую шевелюру. Остальные человекообразные обезьяны, хотя и обитают в тропиках, но прямое действие солнца переносят плохо и в полдень прячутся в тени.

У *самок* наядитеков *волосы* на голове стали еще гуще и крепче, поскольку, должно быть, служили не только укрытием от солнца, но еще и постромками для младенцев. У современных обезьян маленькие детеныши висят на матери, вцепившись в ее шерсть.

Видимо, этой полуводной жизнью наших предков объясняется удивительный феномен, обнаруженный в последние годы – способность человеческих *младенцев* начинать *плавать* даже раньше, чем ходить. Хотя вопреки пропагандистам водных обезьян – у людей новорожденные плавать не умеют, так же, как у наземных млекопитающих, а всего лишь бурно барахтаются, но не способны поднять голову над водой, чтобы не захлебнуться.

Борода и *усы* наяпитековых самцов имеют иную структуру и функцию, не лежат, а топорщатся. Своей жесткостью и местоположением они напоминают осязательные волосы – предупредители, важные для человеческих предков, когда они, наклонившись, промышляли в прибрежных зарослях. Низшие четвероногие обезьяны, кормящиеся в кустарниках, тоже имеют подобное: на мордочке, над глазами, на нижней челюсти и носу, – по 4- 5 пучков осязательных волос, толще и длиннее обычных, – вибриссы. Но такие пучки есть и у высших обезьян, хотя и меньше, – по два-три.

Однако наяпитековым самкам, на плечах и шее которых сидели младенцы, могущие в зарослях пострадать и погибнуть от шипов и колючек, естественный отбор запретил охотиться в кустах, не наградив бородами, но одарил смешным сегодня неодолимым инстинктивным ужасом перед мышами, тараканами и прочей когда-то лакомой мелюзгой.

Необходимость расщеплять раковины и панцири, раскапывать корни и норы естественно привели береговых обезьян к использованию этих разбросанных вокруг галек, палок и костей в качестве *орудий* для добывания пищи. Отсюда гибкие, ловкие **руки**, **пальцы** и **глазомер** человеческих предков, намного превосходящих в этом остальных обезьян. Даже шимпанзе не способны ни разбить, ни сколько-нибудь далеко и метко бросить камень. И никакие усилия экспериментаторов не заставили шимпанзе использовать камень в качестве орудия для обработки палок, нужных для доставания приманок.

Нырянием можно объяснить особенности человеческих *глаз*, в частности, часто встречающуюся у людей врожденную предрасположенность к *близорукости*, хотя она, конечно, отличается от постоянной миопии рыб и других подводных обитателей.

Вода не столь прозрачна, как воздух, и сквозь ее толщу далеко видеть невозможно. Поэтому рыбы, раки и другие подводные животные близоруки. Миопия и рыбий способ аккомодации – посредством перемещения хрусталика вперед или назад, ближе к сетчатке, – конвергентно развились даже у ластоногих и еще больше у китов и дельфинов: уплощение глазного яблока по оптической оси, сильно преломляющая шаровидность хрусталика, редуцированность ресничных (целлиарных) мышц и нередко венозного синуса склеры (шлеммова канала).

Разумеется, наяпитеки проводили под водой не столь много времени, и адаптивное изменение глаз у них не могло быть значительным; но почему же все-таки люди – единственное, казалось бы, чисто наземное и нуждающееся в далеком зрении существо, у которого столь часта предрасположенность к близорукости, притом не только вследствие неблагоприятных условий зрения, что было бы естественно, но и врожденная, унаследованная?

У всех человеческих новорожденных преломляющая сила глаза без малого в полтора раза больше, чем у взрослых с нормальным зрением; и если, тем не менее, новорожденные отличаются некоторой гиперметропией, то вследствие еще большей короткости глаза по оптической оси.

Регуляция внутриглазного давления (офтальмотонуса, *tensio oculi*) посредством выделения из ресничного тела в глаз особой водянистой влаги и ее оттока через склерозный синус дополняется у человека некоторой (разумеется, меньшей, чем у ластоногих и дельфинов) выраженной способностью компенсировать перемены внешнего гидростатического давления на глаза наполнением кровью артериальных сосудов их задней камеры, ведущему к покраснению глаз от ныряния.

Обычно думают, что плачут только люди, а остальным млекопитающим *слезы* не ведомы. Но это не так. Глаза как раз водных и полуводных животных: тюленей, нерп и других – начинают слезиться на суше, когда они раздражены сухостью и пылью воздуха: выделение слез служит для очищения поверхности глаз и смачивания их конъюнктивной оболочки. Должно быть, подобный рефлекс у людей и был перенесен также на неприятные эмоциональные раздражения.

Необходимость выскабливать из раковины и пережевывать скользкое пружинистое тело моллюска, удерживать его и свободно перемещать во рту обусловила важнейшие *одонтологические отличия* гоминид от обезьян – по строению **зубов**, которые давно служат признаками для определения вида и классификации ископаемых, но до сих пор не получили объяснения.

У обезьян *клыки* существенно длиннее остальных зубов и при сомкнутой челюсти верхние клыки находят на нижние зубы, а нижние торчат вверх в промежутках между верхними зубами (в *диастемах*) и по сторонам. Напротив, важнейшее отличие зубов гоминид от обезьяньих – отсутствие торчащих над остальными зубами клыков, но крупные коренные зубы – свидетельствуют: пищу надо было перетирать, но не нужно было раздирать и рвать, поскольку это было не твердое растение и не мясо.

Очевидно, для поедания мягкого и скользкого рака, лягушки, моллюска, черепахи или даже рыбы такие клыки наяпитекам были ни к чему. Хуже того, торчащие клыки явно мешали бы выскрести содержимое раковины. Вот почему у предков людей клыки укоротились и приняли лопаткообразную форму.

По этой же причине – в отличие от гориллы или орангутанга – и остальные передние зубы у гоминид тоже не жевательные, а скребки и резцы – прямые плоские лопаточки, нужные для выскабливания кости или раковины, откусывания и удерживания откушенного.

У обезьян зубы расположены не дугой, а по сторонам *четырёхугольника* двумя параллельными рядами и со всех трех сторон эту *выступающую вперед* челюсть – *пасть* окружают *щели* губ, так что в них даже сбоку удобно засовывать растительную пищу или мясо, но скользкое тело моллюска или рыбы при попытке его разжевать в эти щели вываливается. У человека же челюсть подковообразная, зубы расположены по параболической дуге, а ротовое отверстие короткое и находится только спереди – у резцов, а *сбоков* *затянуто* **щеками**, не позволяющими скользкой пище ускользнуть.

Сверх того, трудность разжевывания пружинистого моллюска или рыбы привела к дополнению движений челюстей вверх - вниз ещё и вращательными, а также к увеличению количества бугорков на коренных зубах с четырех до пяти и к замене режущих первых нижних премоляров на двухбугорчатые.

У обезьян *нёбо* узкое, вытянутое вперед, плоское и гладкое, а у человека – выгнутый свод, оставляющий свободное пространство для движений языка, которые сперва служили перемещению моллюска или рыбы под моляры при жевании, а впоследствии – вторичная функция – создали возможность языковой артикуляции речевых звуков.

В результате *челюсть* прибрежных обезьян стала короче и шире. Укорочение челюсти и расширение ее задних концов в стороны, а также выпрямление передних зубов и редукция жевательного аппарата, включая альвеолярный отросток, привели к *поднятию* и *выступлению* вперед *носа* и нижней передней части челюсти – *подбородка*, что способствовало общему увеличению объема ротовой полости, создав значительное углубление в челюсти для помещения в нем **языка** и его более свободных движений.

Кроме того, поднятость и выпяченность человеческого *носа* с повернутыми *вниз ноздрями*, видимо, защищала ноздри наядпитеков от солнечной радиации сверху при ходьбе с выпрямленным телом и от попадания в носоглотку встречного тока воды при плавании и нырянии.

Человеческие **губы** отличаются большой подвижностью, укороченностью, толщиной и способностью плотно смыкаться, не пропуская в рот воду при плавании и нырянии. Другие сухопутные млекопитающие, чтобы не захлебнуться во время плавания, вынуждены *задирать голову* высоко над водой, к тому же из-за шерсти сильно намокают, зябнут и по всему поэтому плавать не любят.

Особенно впечатляет такое отличие человека, как “**опущенность гортани**”.

У млекопитающих входные каналы: 1) для пищи и воды – *пищевод* (соединяет рот с желудком) и 2) для воздуха – *дыхательное горло* (через его

верхнюю часть - **гортань** соединяет нос с лёгкими) – оба канала обычно **разделены** нёбом, а на его мягком конце – замыкающей кольцевой мышцей (сфинктером), так что дыхательный тракт выходит лишь к носу. Это позволяет им одновременно и дышать, и пить, не захлёбываясь. А для блеянья, рычания, лая и издавания других звуков сфинктер расслабляется и гортань опускается в ротовую полость. Но у человека нет сфинктера и задняя мягкая часть нёба всегда открыта; гортань, начиная с трёхмесячного возраста, всегда опущена в глотку, под корень языка – так что оба канала всегда **соединены**, что превращает *глотание* в довольно сложное действие, требующее управления мозгом, и создает риск при спешке поперхнуться и даже захлебнуться от попадания воды или пищи в дыхательное горло и лёгкие; нередко становится даже причиной смерти. Но тогда в чем же адаптивная функция этой опасной анатомической аномалии человека? Это не находит в антропологии приемлемого объяснения.

Но загадка сразу объясняется, стоит учесть, что подобная же опущенная гортань свойственна млекопитающим **водоплавающим**: выдрам, тюленям, дельфинам и другим китовым. Она позволяет им, вынырнув после погружения в воду на поверхность, делать ртом быстрые глубокие вдохи воздуха, насыщая лёгкие, кровь и миоглобин мышц кислородом, а, нырнув, – медленные контролируемые выдохи, и проплывать под водой большие расстояния.

Именно в описанном гоминидном направлении намечаются *некоторые* из морфологических изменений у экзотических теперь носатых обезьян семейства мартышкообразных: **носачей**, **ринопитеков** и **симиасов** – в Юго-Восточной Азии. Хотя в целом носачи, разумеется, никак **не** относятся к предкам людей, поскольку обитают в лесах и большую часть времени проводят на деревьях, питаются листьями и плодами, к тому же в лесах болотистых и мангровых, и не употребляют орудийно ни камней, ни палок.

Тем не менее, поскольку они все же вынуждены временами пробираться через болота под деревьями по мелководью и топкой земле, то они ходят, **встав на одни задние лапы**, и те у них вдвое больше передних – с длинной **плоской стопой**. По тем же обстоятельства носачи прекрасно плавают и ныряют, проплывая под водой до 12 метров, – и **гортань** у них тоже **опущена**, а нос, комично вытянут, у некоторых точно огурец, а тело **малошерстное** и жирное. А длинный хвост служит им всего лишь рулем при прыжках на деревьях и не цепок.

В воде наяпитеки нашли также **спасение от хищников**, перед которыми первоначально, до появления у них оружия, они были бессильны даже в стаде. Их спасали береговые обрывы, перекааты, омуты, островки, утесы, прибрежные деревья, заросли тростника и осоки.

Что касается **крокодилов**, то их опасность в обыденном представлении северян преувеличена.

Прежде всего, эти устрашающие рептилии не столь прожорливы, как принято думать. Даже у молодых быстро растущих крокодилов меню состоит главным образом из улиток, водяных насекомых и личинок, а взрослым особям, дремотно взвешенным в теплой воде, корма требуется очень мало, всего лишь ~ 0,5% от их собственного веса в сутки.

На мелководьях быстрых предгорных рек, как раз наиболее промысловых для наяпитеков, эта родня динозавров вообще не водится. А в тихих глубоких местах крокодилы охотятся большей частью на рыбу, птицу и всякую мелочь, а на крупных млекопитающих, и то чаще всего – на наиболее слабых, – переключаются в экстремальных ситуациях, в сухой сезон, когда рыбы в пересыхающих водоемах мало, а зверья на редкие водопои собирается много, или во время переправы стад копытных через реки. Агрессивны бывают лишь крокодилы самки, когда защищают свои яйцекладки и выводки.

Между тем люди, даже всего лишь с палками, для водных страшил достаточно опасны. Глаза этих рептилий высоко выступают над головой и высунываются из воды – и удар по ним оказывается для чудовища роковым. Индусы давно научились управляться с крокодилами. Они спокойно переплывают Инд на лодках или даже на бурдюках, а ткнувшегося в них крокодила бьют веткой или палкой по носу – и глупое страшилище уплывает. А индейцы Амазонии даже их промысляют, просто загоня в мелководную заводь и оглушая дубинкой по голове.

Еще один дар от воды человеческим предкам. В условиях полуводного обитания пожар не столь опасен, как в лесах или степях; и это избавило наяпитеков от *страха* перед *огнем* и стало предпосылкой его будущего освоения.

Отношение длины *кишечника* к длине тела у человека равно 5,6, что соответствует питанию его предков преимущественно именно ракообразными, рыбой, лягушками, моллюсками и черепаками, находясь как раз между такими показателями рыбоядных (4,5) и всеядных (6,8), но далеко отстоит от плотоядных (3,7), зерноядных (8,7) и тем более травоядных (15,1).

Ныряние научило наяпитеков также произвольному **управлению дыханием**, способность к достаточно длительной, до двух-трех минут, задержке дыхания и даже в некоторой мере к *бескислородному* (анаэробному) *окислению* углеводов для получения энергии – с выделением в кровь молочной кислоты, – особенно заметной у тренированных пловцов и ныряльщиков – собирателей жемчуга

Как и другие наземные приматы, наяпитеки жили стадами и, надо полагать, такими же шумными. Громкие крики, визги, уханье, сопение, мяуканье, хрюканье, рычание, лай и рев современных обезьян служит *выражениями* их

испуга, гнева, радости, нетерпения и других чувств, а также **сигналами** опасности, призыва и т.д.

Хотя разнообразие издаваемых обезьянами звуков много больше, чем у других животных – достигает четырех десятков, – но их небо низко и плоско, язык тонок и не имеет изгиба в глоточную полость, отчего они не могут артикулировать и расчленять звуки; их *гортань* расположена *высоко* и голосовые связки тоже тонки, с неровными незакругленными краями (отчего *голос* резок и хрипл) и лишены натягивающих их мышц перстневидно-щитовидных и вплетенных в них голосовых мышц (*m. thyreoarytenoideus*), почему обезьяны, исключая до некоторой степени гиббонов, не могут издаваемые звуки модулировать, разделяя тоны.

Таким образом, древесные и наземные обезьяны **не** имеют физиологической базы для **речи и пения**.

Но среди высокой тропической травы и густой лесной листвы могут быть слышны именно такие резкие громкие крики, да и то на сравнительно небольшие расстояния. Поэтому у древесных обезьян для усиления громкости звука между нижним краем ключицы и вторым ребром развились крупные гортанные мешки, редуцируемые у наземных обезьян и отсутствующие у людей. А некоторые виды носачей используют резонатором свой нос.

У наядпитеков же специфика условий их обитания и питания необыкновенно расширила возможности фонации.

Хорошая акустика водной поверхности, далеко разносящая даже слабый звук, сделала необязательными звуки резкие и сильные. Зато особенности наядпитекового питания породили сравнительную **легкость челюсти**, звонкий **резонатор** объемистой ротовой полости, затянутой щеками, **подвижность языка и губ**, а большие легкие пловца и сделали им доступными звуки, несравнимо более разнообразные по выразительной перемене тона и ротовой артикуляции, – биологические предпосылки будущего развития из экспрессивного и сигнального общения человеческой **членораздельной речи**.

Только у человека волокна кольцевой мускулатуры **гортани** поддерживают не только дыхание, но и связаны с голосовыми связками и обеспечивают **управление** высотой и громкостью звуков.

Даже такой, казалось бы, субъективный показатель, как улучшение **самочувствия** современного человека на берегах водоемов, в их микроклимате, то особое умиротворение, которое охватывает нас уже от одного созерцания воды, тем более от гидромассажа купания, вдыхания свежего воздуха, насыщенного её микроэлементами, алкалоидами, флавоноидами и аэрозолями, от ультрафиолетового и инфракрасного облучения солнца, – их давно замеченная благотворность и даже целительность для нашего здоровья и – соответственно – наша тяга отдыхать на побережьях рек, озер и морей, – являются еще одним свидетельством, что именно здесь **наша прародина**, и – соответст-

венно – та адаптивная среда, *экологическая ниша*, к которой генетически наиболее приспособлен человеческий организм.

К сожалению, в специальной экологической литературе вопрос об особой *первоначальной* экологической нише человека даже не ставится.

Так, Дж. Уайнер исходит из того, что люди существуют в разнообразных условиях обитания, – не замечая, что в разнообразные природные зоны от жарких пустынь до снежной Арктики расселились люди современные, а это стало возможным лишь благодаря созданным их трудом искусственным средствам и условиям существования и поэтому его нельзя рассматривать как адаптацию биологическую.

Хотя морфофизиологическими наблюдениями над современным коренным населением различных природных зон: тропической, пустынной, умеренной, континентальной, высокогорной, арктической – установлена определенная биологическая адаптация человека, которая охватывает как особенности физиологических процессов: кровяного давления, потоотделения, обмена веществ, содержание в крови гемоглобина, эритроцитов, холестерина, гамма-глобулиновой фракции белков, так и даже строение тела: рост, пропорции рук, ног, головы, мускульной массы; но и это биологическое приспособление человека является не первоначальным, а произошло позже и относится не просто к природе, а к соответствующим историко-географическим типам хозяйства и культуры.

О жизни наипитековых предков на теплых побережьях свидетельствует и *география находок* древнейших ископаемых гоминид. Сухой жаркий тропический или субтропический климат, холмистая саванна с отдельными кустами деревьев и кустарников, с речными и озерными долинами и скальными выходами, – именно такими были ландшафты, климат, флора и фауна двух уже обнаруженных палеоантропологами очагов формирования человека: один – в Восточной Африке, второй – в Восточной Азии.

Это позволяет мне отважиться на *предсказание*: еще не исключено, что будут открыты и другие очаги антропогенеза, – где-нибудь в субтропическом Средиземноморье или в Западной Азии, но подобные же.

Таким образом, упрямые свидетельства жаркой *полуводной* стадии в становлении человека охватывают всю его морфофизиологию, – буквально с ног до головы: его стопы, голени, бедра, таз, кишечник, легкие, железы, кожу, волосы, ладони, челюсти, зубы и весь череп, щеки, губы, язык, глотку, нос, глаза. Так что если отказаться от их гидрогенного выведения, они становятся необъяснимыми. Сплошные загадки. Кто с этим готов мириться?

Вот почему понимание наипитековых истоков человечества важно не только теоретически. Оно предопределяет неисчислимы следствия наипитековой теории антропогенеза для *медицины*, – как для профилактики нашего нездоровья, так и для физиотерапии и всякого другого лечения.

Как видим, *прошлое человека записано в строении и в способе жизни его организма.*

4. Ископаемые наипитеки. Палеонтологическое открытие и доказательство

Однако доказательство наипитековых корней человека даёт не только актуалистический метод реконструкции прошлого предмета по его нынешней структуре, но и прямые палеоантропологические – ископаемые **окаменелые и другие материальные остатки наипитеков.**

Известны ли современной палеонтологии такие береговые обезьяны?

Конечно, приоткрытая наукой летопись истории приматов пока еще весьма отрывочна, но, тем не менее, материальные свидетельства существования в прошлом береговых обезьян есть. Просто они до сих пор не получили соответствующей **интерпретации**, поскольку ныне подобных форм обезьян не существует ни наяву, ни потому и в головах.

В Кашмире и на Сиваликских холмах, в предгорьях Гималаев, и в дельте древнего Нила и в других местах Восточной Африке обнаружены окаменелые кости обезьян **рамапитеков** (*Ramapithecus*, как оказалось, самки **сивапитеков**) и близких им кениапитеков, проконсулов, проплиопитеков и др.

Не думаю, что эти обезьяны были уже наипитеками. Но они обитали в миоцене, 15 - 8 млн. лет назад, когда наступил *засушливый* период и на джунгли наступала саванна – открытые пространства равнин, заросшие высокой травой с отдельными кущами деревьев. Тропические леса тянулись тогда еще только у подножья гор и вдоль рек.

И – характерно – рамапитеков (сивапитеков) отличала укороченная морда, округлый лоб, лишенный надглазничных валиков, тонкая челюсть, менее выступающая вперед, узкая, полуподковообразная, латинской буквой V, без так называемой обезьяньей полки; более прямой подбородок; не скошенная, как обычно у обезьян, а плоская изношенность зубов; множество выступов на жевательной поверхности моляров; нижние резцы малы, а верхние – почти неотличимы от человеческих, – признаки употребления деликатной пищи.

Правда, найденных пока фрагментов скелета сивапитеков недостаточно, чтобы надежно судить об их морфологии в целом. Одни исследователи считают сивапитека четырехногим, другие – двуногим, использующим передние конечности для удержания предметов, и относят его даже к гоминидам.

Судя по их морфологии и нахождению в водных отложениях, можно предположить, что сивапитеки или близкие им формы были еще не наипитеками, но миоценовыми **предками наипитеков.**

Уже непосредственно к **наяпитекам**, развитым береговым обезьянам, думается, относятся ископаемые существа дошелльского слоя Олдувая (глубиной ниже 90 метров, древностью около трех - двух миллионов лет), которых их первооткрыватель английский антрополог Лики (*L. Leakey*) чересчур оптимистично окрестил даже людьми – "человеком умелым" ("*Homo habilis*"), или *презинджантропом* (букв. – "пред'южным человеком").

В пользу наяпитековой **интерпретации хабилисов** говорят как их морфология, так и этология. Хотя их лоб покат, но объем мозга внушительен, в среднем 650 см³, а у черепа 1470 – даже 700-800 см³, что значительно превосходит мозг австралопитеков (в среднем 520 см³). Это при невысоком росте, в среднем всего-то в 1,5 метра и весе ~ в 45 килограмм.

Их ноги прямые и длиннее, чем руки; стопа сводчатая и все строение голеностопного сустава и таза, также как свободная балансировка головы на шее свидетельствуют об их двуногом **прямохождении**. Хотя, судя по большим размерам плюсневой кости пятого пальца, стопа сильнее опиралась на наружное ребро – и походка была ещё косолапой.

Отсутствие на темени сагиттального костного гребня, слабость надглазного валика и скромная – в сравнении с австралопитеками и питекантропами – величина плоского лица, челюсти и зубов означают *слабость жевательной мускулатуры*.

Зато фаланги их **пальцев** необычайно широки, следовательно, кисти рук очень сильны и цепки, – и способны к мощному зажиму галечных орудий.

О наяпитековом образе жизни ранних хабилисов говорят также их **диета** и **окружение**. Россыпи оббитой гальки, горы раковин и остатков черепашек, рыб, фламинго, водяных кроликов, лягушек и других водных животных, нахождение хабилисов в глинистых прослоях, образующихся в прибрежной зоне, окаменевшие корневища папирусов – все это недвусмысленно показывает, что нижнеолдувайские существа были обезьянами именно прибрежными, одним из видов наяпитеков, а судя по их дальнейшей эволюции, наблюдаемой в более высоких слоях Олдувая, и предками людей.

Однако отнесение некоторыми антропологами хабилисов к обезьянам *австралопитековым* мне представляется ошибочным.

Длинная челюсть австралопитеков, вытянутая морда ("прогнатическая", с большим прогнатизмом), скошенный подбородок, крупные коренные зубы, даже больше, чем у гориллы, огромный сагиттальный гребень, следовательно, мощная жевательная мускулатура, передние лапы более длинные, нежели задние, короткие полусогнутые неуклюжие ноги, на кистях лап длинная пясть, но короткие пальцы, – то есть их грубая моторика, – все это свидетельствует о совершенно другом образе жизни.

Австралопитеки грацильные, хотя имели прямые резцы и клыки не выше остальных зубов и были двуногими, но их ноги коротки и широко разве-

дены, а плечи и руки длинные, стало быть, ходили они неуклюже, может быть, даже полусогнуто и, скорее всего, были обезьянами саванными, волосатыми обитателями скальных полупустынь.

Найденные вместе с их костями в пещерах Туанге, Стеркфонтейна, Макапансгата кучи окаменевших костей грызунов, павианов, антилоп, жирафов, притом обычно раздробленных, со следами раскалывающих ударов на черепаках, вслед за Р.Дартом истолковывают как признаки их охоты на этих достаточно крупных животных.

Но правдоподобнее более осторожное предположение, что им удавалось добывать мелких или молодых животных, но невероятно, чтобы эти медленно бегавшие двуногие могли догнать сильных, чутких и стремительных антилоп, зебр или буйволов и увернуться от их рогов и копыт.

А чаще им приходилось довольствоваться падалью и преимущественно остающимися после трапезы хищников костями, которые они разбивали камнями. И то когда они успевали опередить или отогнать своих конкурентов в некрофагии: собак, гепардов, марабу и грифов. Но едва ли австралопитеки были способны прогнать гиен, слишком опасных многочисленностью своих стай.

Невысокость их клыков объясняется, должно быть, как раз приспособлением для более удобного выскребания из разбитых костей мозга.

А, возможно, они и сами служили кому-то пищей. Ведь их кости находят такими же раздробленными, как и кости павианов и других животных.

Иными были более крупные австралопитеки – “афарские” (из Афары) (*A. afarensis*), *A. garhi* (из Хадара, Эфиопия), *Aust. Anamensis* и *Orrorin tugenensis* в Кении, похожие на горилл “массивные” (“могучие”) (*A. robustus*, парантропы) и еще более крупные “бойсеи” (*Zinjanthropus boisei*).

Их отличали грузность, по-обезьяньи вытянутая (прогнатическая) морда, а также крупность и параллельное расположение коренных зубов – внушительный жевательный аппарат, какой бывает необходим для перетирания массы всякой зелени. На мой взгляд, эти обезьяны жили в сухом разреженном тропическом лесу, использовали передние лапы для нагибания веток, доставания плодов и откапывания палкой съедобных луковиц, корней и клубней, хотя, возможно, не отказывались и от мелких животных.

Короче, все австралопитеки, конечно, – приматы, больше того, антропоиды, но не гоминиды и не предки людей, а разнообразные боковые ветви в эволюции антропоидов.

Ареал обитания наипитеков был, видимо, обширен.

На олдувайских хабилисав или на их предков, судя по найденным в 1999 году на западном берегу озера Туркана остаткам, явно похожи кениантропы (*Kenyanthropus platyops*), – двуногие, прямоходящие, плосколицы, с

небольшими коренными зубами и не выступающей челюстью, однако более древние (~ 3,5 млн. лет) и с маленьким мозгом.

Россыпи оббитой гальки нижнеолдовайского типа, – пока без самих костяков, – найдены в Африке, в отложениях реки Омо, Кооба-Фора, Кафуэ (бассейн Замбези), реки Вааль, озера Чад, центральносахарском пьедмонте Тибести и Ахаггара, на марроканском побережье Атлантического океана (мулун и мессауди), в Алжире (Айн-Ханеш), в Венгрии и в других местах на юге Европы, на Ближнем Востоке, в Сирии, Ливане, Израиле (Телль-Убейдия), в Индии (нижний Соан, река Нармада, район Мадраса), в Юго-Восточной Азии; но всюду – в речных, озерных или приморских отложениях.

И надо думать, это не случайно. Причина здесь не только в том, что те, кто пользовался разбитой галькой, приходили к воде утолить жажду. Австралопитеки, естественно, тоже пили, но их останки чаще всего лежат далеко от воды, в сухой саванне или предгорьях и пещерах.

Тем не менее, так же **ОШИБОЧНО** относить хабилисов и к **ЛЮДЯМ**, как делают Л. и М.Лики (*Leakey M.D.*, 1971) и многие другие антропологи.

Нижнеолдувайские хабилисы оставались еще всего лишь предками людей – обезьянами, хотя особыми, полуводными – наядными, именно наяпитеками, и потому **не** представляется правомерным именовать их самих "**людьми**" (гомо, гоминидами, архантропами), хотя бы и древнейшими, а их галечные орудия – "**культурой**".

Применение и изготовление орудий прибрежными обезьянами длилось долгие миллионы лет; однако это не означает, что использование орудий вообще не является отличием человека от животных, как начинают думать, потому что миллионы лет это использование было еще **НЕ** человеческим трудом, а всего лишь **биологическим** явлением, – животными действиями, подобными применению камней и прутьев птицами, бобрами, шимпанзе.

Но они не были также и “инстинктивным трудом” (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т.23, с.189), – таким как у насекомых: пауков, муравьев, пчел. У высших животных подобные действия являются не врожденными инстинктами: выросшие в неволе обезьяны, как показали наблюдения этологов, не умеют строить гнезда для ночлега (см: *Фирсов Л.А.*, 1977), хотя, конечно, еще и не основаны на речевом понятийном мышлении. По моему мнению, их психической основой служит мышление образное – *соображение*, а также научение посредством подражания.

Строго говоря, во всем дошелльском Олдувае существовал всего один единственный вид орудия – рубило (чоппер), правда, с лезвием, но примитивное, просто отколотая с одной стороны галька с булыжник величиной. Исследователи долго даже сомневались, творения ли это природы или рук человекообразных существ, и признали в них орудия, только когда среди них обнаружили обломки из кварцита, отсутствующие в породах соответствующих слоев.

Все его "изготовление" олдувайскими "умельцами" сводилось к раскалыванию камней без всякого внимания к форме раскола, разнообразие и случайность которой свидетельствуют о чисто животных действиях.

Эти галечные рубила лишены сколько-нибудь повторяющейся, устойчивой формы, они не претерпели никаких усовершенствований за время существования тысяч поколений – более двух миллионов лет!. Последнее недвусмысленно говорит об отсутствии всякой преемственности и накопления опыта в технологии, знаниях и в их речевой передаче.

Но равным образом на протяжении этих долгих миллионов лет почти не изменился и физический тип самих этих обезьян.

Кто не видел грандиозные рисунки человеческих предков, с камнями и палками в руках побеждающих диких лошадей, слонов и пещерных медведей? Они стали нам настолько привычны, что воспринимаются как факт. Однако, на мой взгляд, они фантастичны. Охота на крупного зверя для береговых обезьян и долгое время даже для их человекообразных потомков была невозможна: двуногий бег гораздо медленнее, чем четвероногий, и они не смогли бы их догнать, а с камнями и палками, их единственным оружием, они не смогли бы одолеть даже всем стадом.

Да и ради чего им стоило охотиться на крупных животных, если нечем было такую добычу скушать? Не было ни клыков, чтобы прокусить толстую шкуру; ни острых инструментов, чтобы разделать тушу; ни зубов, чтобы разжевать мясо; ни приспособленного желудка, чтобы его переварить.

Приходится признать: самое большое – наипитеки были в состоянии (подобно австралопитекам грацильным) использовать обычно оставляемые хищными кошками от своей добычи череп и трубчатые кости, чтобы привычно разбить их камнями и извлечь мягкий костный и головной мозг. Да и то в тех случаях, не слишком частых, когда их не опережали специалисты по падали – гиены.

Как же и почему это человеческое превращение стало возможным?

5. Как предлюди стали людьми

Процесс антропогенеза был хотя и долгим, но вовсе не ровно постепенным; его разделяют два крутых перелома.

Первый эволюционный скачок – превращение наипитеков в *предлюдей* – верхних хабилисов, произошел ~ 1,6 - 1 млн. лет назад.

Хабилис второго, шелльского слоя Олдувая (глубиной 90-60 метров), по-моему, уже может быть отнесен к древнейшим *формирующимся людям*, до некоторой степени оправдывая свое имя "человек" – Homo habilis. Его отличия от ранних хабилисов столь существенны, что заставили В.П. Алексеева в 1978

году (с.120) выделить его в особый вид и переименовать в *Homo rudolfensis* – по названию озера, на берегах которого его впервые нашли. А теперь антропологи стали именовать его *Homo ergaster* (“человек трудящийся”).

В их орудиях (бифасах), оббитых уже с двух сторон, более тонких и разнообразных, видны первые признаки внимания к форме, – *начало технического развития*, хотя и очень медленного, – сотни тысячелетий без заметных изменений.

На месте их стоянок остались ряды крупных камней, которые можно истолковать как подпорки жердей для сооружения из шкур заслонов от ветра, какие и сейчас делают местные племена.

Разбросанные вокруг раздробленные кости жирафов, антилоп, слонов говорят о том, что хабилисы тогда вынуждены были переходить к австралопитековому промыслу (собираению костей и их раздроблению камнями для извлечения мозга), – видимо, вследствие иссушения климата и пересыхания водоемов, – о чем свидетельствуют обнаруженные особенности тогдашней фауны и палинологические данные

Но одновременно благодаря каменным орудиям для них становится возможной и учащается охота на животных, и не только на мелких.

Однако, как показывает обнаруженный в Кении в Нариокотоме почти полный скелет 12-летнего подростка эргастера, его спинномозговой канал чересчур узок для иннервации речевого аппарата, что заставляет сомневаться в его способности говорить. Но тогда верно ли его считать человеком?

Изменяется и физический облик хабилисов.

Новые боевые занятия вызвали резкое увеличение их роста. Между прочем, нариокотомский 12-летний мальчик, по нынешним понятиям, был уже настоящим акселератом – высотой в 1,68 метра, а, значит, со временем вполне мог вымахать до 1,8 метра.

Но жевание верхними хабилисами сырого мяса вело к утолщению их надбровных дуг, – и к среднему слою, приблизительно к 60 метровой глубине, они превращаются, пользуясь традиционным термином, в олдувайского “*ни-текантропа*”, или, как теперь предпочитают его называть, в *Homo erectus* – “человека выпрямленного”, “прямоходящего”. (Будто уже нижние хабилисы не были бипедальными).

По-моему, было бы точнее именовать таких формирующихся людей (от верхних хабилисов) – 1,7 – 0,2 млн. лет – без затей просто *предлюдьми* (Before Man, prepeople).

Предлюди переходят к охоте уже на крупных животных, судя по костям – на кабанов, баранов, антилоп, даже слонов. Это стало возможным благодаря усовершенствованию орудий: изготовлению больших рубил (которыми, как показал эксперимент, можно снять шкуру с животного и расчленив тушу), а также скребел и проколов для обработки шкур. Возможно, в то время появились первые копья – простые шести с обожженным на огне и заостренным концом

Разумеется, и тогда охота на крупных животных оставалась трудной и опасной – и нападать на них открыто предлюди отваживались редко, предпочитая устраивать засады или гнать зверя к болотам и обрывам.

Характерно, что именно в это время исчезают и австралопитеки, отчасти не выдержав конкуренции с невиданно вооруженными охотниками, отчасти потому, что истреблялись ими как дичь.

Переход к охоте вынудил предлюдей на переселение в степи. Поэтому и орудия питекантропов - эректусов чаще изготавливались уже не из гальки, а из необкатанных твердых скальных пород: кварцита, кварца, лав.

Прогресс *орудий* и *способов* охоты изменил и материальные отношения между предлюдьми.

Если при собирательстве и ловле мелких животных преобладала деятельность индивидуальная, то теперь возникает животное стадо. Оно образуется на основе не только половых и родительских связей. Соединительную функцию выполняет ориентация на поведение соседа и вожака, что облегчает нахождение пищи и защиту от врагов. Все предлюди в стаде выступают в качестве взаимных ориентиров и взаимных сторожей.

Засадная и загонная охота явилась первой кооперацией (разделением ролей в поисках добычи, гоне, окружении, нападении), подобной той, которая существует в стае хищников. Однако если хищники охотятся на животных, которые гораздо слабее каждого из них в отдельности, и их кооперация является чисто ситуативной, то предлюди охотились даже на слонов, носорогов, медведей и других гигантов, которые в десятки раз крупнее, сильнее и быстрее каждого индивида. Как они были в состоянии их победить? Только благодаря изготовлению и использованию орудий и благодаря *сложной* и *растянутой* в пространстве и времени уже в какой-то степени трудовой кооперации, послужившей, в конечном счете, предпосылкой перехода от первобытного стада к обществу.

Так потребности засадной и загонной охоты и изготовления начавших развитие орудий привели к поднятию стада в сложную и растянутую в пространстве и времени кооперацию – организацию, сделали *выражения* и *сигнализацию*, свойственные еще животным и ограниченные ситуацией, совершенно недостаточными и потребовали развития именно речи с ее надситуативностью, абстрактностью, метафоричностью и т. д., привели к поднятию сигнализации в язык, а соображения, соответственно, – в абстрактное *надситуативное мышление*, способное к предвидению целых серий своих и чужих действий, их отдаленных и сложно сочетаемых результатов. (См. *Ибраев Л.И. Вопросы языкознания*. М., 1981, № 1)

Так предлюди обрели свое основное оружие и главное преимущество перед всеми животными – способность благодаря языку знать, думать и сообщать о том, чего нет перед глазами – **надситуативное мышление**.

Физиологическим следствием труда и организации была дальнейшая цефализация (развитие головного отдела), усложнение цитоархитектоники и рост объема мозга до 800 - 900 см³, затем – до 1300 см³, а в отдельных случаях – даже до 1600 см³.

Расселение предлюдей под давлением суровых климатических перемен из прежней природной зоны в новую всякий раз оказывалось возможным благодаря освоению ими новых производственных средств. Началась селективная *адаптация* не просто к природе, но и к способу производства и потребления. Формирование телесного типа человека шло в единстве с формированием производства.

И это превращение в человека было исключительно трудно. Не раз предлюди оказывались на грани вымирания и почти исчезали, – должно быть, этим объясняется зияющий пробел в палеоантропологических находках в интервале 1,2 – 0,9 млн. лет.

Эти трансформационные трудности вели к тому, что прогресс в строении и объеме мозга предлюдей соединялся первоначально с *регрессом* их черепа и кистей рук, увеличением зубов и челюстей – и столь значительным, что некоторые антропологи, как ранее здесь уже отмечалось, отказываются узнавать в питекантропах предков человека.

По-моему, именно компенсация чудовищного давления на лобную кость при жевании жесткого сырого мяса крупных животных и раскусывании твердых предметов требовала увеличения коренных зубов и челюстей и утолщения стенок черепа, – нередко вдвое, а на конце покатога лба над глазницами – выделения козырьком огромного костного валика (*torus supraorbitalis*). Хотя в целом по строению зубы предлюдей остались похожими на современные человеческие.

Такое огрубление жевательного аппарата, понятно, сильно снижало возможности речевой артикуляции. Тем не менее, у питекантропов замечено увеличение височной области мозга (*Кочеткова В.И.*), а у некоторых видов на нижней челюсти уже есть отчетливые выступы – шипы для прикрепления язычных мышц, – признака хотя бы зачатков речи.

Отсутствие у ашельских каменных орудий деревянной рукоятки и сжимание их непосредственно рукой привело к колоссальному усилению их кистей, лапообразных, с широкими запястьями и резкими гребнями для прикрепления мышц, с бугристыми фалангами – с зажимом как у стальных тисков, – мощь которых все возрастала, но – препятствующих тонким манипулированиям руки, чей первый запястный сустав был даже лишен седловидности.

Новые технические возможности питекантропов привели к их широкой миграции – даже на новые континенты.

Разнообразие местных природных условий обусловило морфологическое разнообразие питекантропов.

Одной из таких крайних специализаций и явились коренастые, могучие *неандертальцы* (*Homo neanderthalensis*), названные по имени долины Неандер (в Германии), где они впервые обнаружены, – светлокожие рыжие кряжистые богатыри, с толстыми надбровными дугами и покатым лбом, но с большим продолговатым черепом и мозгом больше, чем у современного человека, длинным скошенным подбородком и большущим горбатым носом.

Их бедренные кости необычайно толсты и изогнуты, стало быть, ноги мощны, хотя коротки, и рост скромн, в среднем ~ 165 см, но руки тоже титанически мощны, а их кисти поразительно крупны, толстая шея, торс огромен и тяжел и вес больше 90 килограмм. Целая гора мышц. Нечего сказать, прекрасное приспособление к морозам и охоте на мамонтов, носорогов, саблезубых тигров, пещерных медведей, овцебыков, зубров, оленей и других гигантов промозглых предледниковых тундростепей и холодных полупустынь, покрывших тогда, 200 – 40 тыс. лет назад, чуть не целые континенты.

Почти все остатки этих субарктических предлюдей найдены в предледниковых зонах Европы, Атласа, Кавказа и Загроса – от Испании до Узбекистана. В холодной Европе других видов гоминид, судя по палеонтологическим данным, тогда и не существовало.

Исследования С.А. Семеновым формы и следов на их каменных орудиях показали, что они работали преимущественно правой рукой; а это значит, что у них уже была функциональная асимметрия мозга и, следовательно, речь. Хотя тяжелая челюсть, тонкий язык и обширное гладкое небо затрудняли произнесение звуков, делаая их пронзительными и плохо расчлененными и сдерживали развитие речи. Проведенные Ф.Либерманом и Э. Крелином (США, 1971) реконструкция, измерение и электронное моделирование гортани и ротовой полости неандертальцев показали недоступность им произнесения многих гласных. Впрочем, и эти исследователи, и последующие признают их способность к артикуляции подавляющей части речевых звуков.

Однако в тропиках, в прежней экологической нише, возле водоемов, одновременно с питекантропами еще долго жили и хабилисы: в среднем слое Олдувая попадают их кости, более изящные, заставляющие антропологов сомневаться в последовательности человеческой эволюции.

Второй эволюционный *перелом* – превращение питекантропов в *людей* – “современных” (*Homo Sapiens*), или *кроманьонцев* (по названию грота Кро-Маньон на юге Франции, где их остатки были впервые встречены в 1868 году), произошел где-то 200 - 40 тыс. лет назад.

Как убедились американские антропологи после сорока лет тщательнейших исследований датировки³, самые древние остатки сапиенса (впрочем, с некоторыми чертами неандертальца) возрастом ~ 195 тыс. лет найдены в 1967 году в южной Эфиопии, близь реки Омо. В Западной Азии они появи-

³ *Journal of Human Evolution*, Vol. 55, Issue 3, September, 2008

лись ~ 100 тыс. лет назад, в Европу проникли ~ 40 тыс. лет назад, тесня туземных неандертальцев.

Сапиенсы были более рослыми, с конечностями более длинными, но много слабее питекантропов, зато, видимо, более приспособлены к жизни в быстром мире лесостепей, вытесняющих влажную предледниковую тундростепь.

Появление сапиенсов, думается, было обусловлено двумя приобретениями. Первое – начавшееся как раз тогда повсеместное использование *огня* и, стало быть, его искусственное добывание и приготовление на нем пищи.

Формирование кроманьонцев происходило, видимо, где-то юго-восточнее тундростепей, должно быть, в лесостепях севера Африки и центральной и западной Азии (пещеры Тешик-Таш возле Самарканда, Шанидар в Ираке, Кратины возле Загреба, Кафзеха близ Лазарета, Палестины, Староселье возле Бахчисарая в Крыму) и, разумеется, раньше исчезновения неандертальцев. Как иначе объяснить одновременное существование сапиенсов в пещере Схул и неандертальцев в соседней пещере Табун одной и той же горы Кармел?

Отличающие питекантропов большая челюсть со скошенным подбородком, надглазный валик и мышечный рельеф отсутствуют у эмбриона человека и значительно менее обозначены на черепках ископаемых детских гоминид, чем взрослых особей. Не свидетельствует ли это противоречие о том, что отмеченная мегамаксиллярность питекантропов является не исходной, а результатом более *позднего* приспособления, обусловленного переходом от наядитекового промысла к охоте на крупных животных?

Тогда становится понятным иначе генетически невероятно быстрое превращение предчеловека в сапиенса, хотя оно продолжалось дольше обычно полагаемых 4-5 тысячелетий. Должно быть, это был прогресс путем снятия некоторых сторон предыдущей стадии: утраты *прогнатизма* (сильного выступающего вперед лицевого отдела черепа) и частичного возврата к предшествующей ему морфологии наядитеков посредством гормональной приостановки (ретардации) онтогенеза на более ранней инфантильной морфологической стадии, а уже с этого рубежа – их мутационно-селективное дальнейшее уменьшение.

Этим хорошо объясняются парадоксы большей сапиентности ранних гоминоидов, чем поздних, и генетически удивительная быстрота заключительной эволюции питекантропов в современных людей.

Такая противоречивость происхождения человека показывает, что питекантроп, включая неандертальца, был и вымершей тупиковой ветвью, и предком человека, сбросившим после производственного облегчения себе условий жизни свое переходное мегамаксиллярное огрубление.

Но отдельные популяции питекантропов просуществовали ~ до 30 тыс. лет назад, то есть десятки тысячелетий они жили одновременно с сапиенсами.

Причиной же *ортогнатизма* (выпрямления прежде выступающего вперед лицевого отдела черепа) явилось, должно быть, овладение способом приготовления пищи на *огне*.

Хотя следы огня у предлюдей (окаменевшие угли, зола, обожженные кости) появляются с ашеля, примерно 750 тыс. лет назад (пещера Эскель во Франции, семиметровый слой золы синантропов в пещере Коцетанг, под Пекином), но использовался огонь, видимо, только для согревания, отпугивания хищников и в загонной охоте. Редко встречающиеся обожженные кости в кострах питекантропов и состояние их зубов говорит о том, что они не умели готовить пищу на огне, мясо ели сырое или обожженное.

Жевание сырых плодов, сырого мяса и другой грубой пищи приводило к постоянному самоочищению зубов досапиенсов от налета из протеинов и минералов слюны, остатков пищи и микроорганизмов. Отсюда столь редкий у них зубной камень и кариес – отчего обнаружение их следов на зубах экземпляра из Брокенхилльда, должно быть, злоупотреблявшего диким медом, поразило исследователей; но они стали характерным признаком сапиенсов и проклятием современного человека, от которого сейчас страдает до 90% населения всех континентов и который явился платой за употребление мягкой вареной пищи и за избыток углеводов.

К тому же питекантропы умели только поддерживать случайно получаемый огонь, который поэтому часто гас и был не у всех групп. Повсеместное использование огня и, стало быть, его искусственное добывание начинается как раз с мустьерской культуры, примерно 100 тыс. лет назад. Хотя у отдельных групп оно происходило, конечно, много раньше.

Уменьшение челюстей и надглазного валика привело к укорочению и прогибанию вверх ранее почти плоского основания черепа, а благодаря этому – к новому *опущению гортани* – ниже языка и увеличению резонирующей камеры возле глотки. Укорочение же основания черепа для уместения в нем мозга того же объема потребовало подъема его свода и выпрямления лба. Этим селективным переменам как физическим предпосылкам развития речевой артикуляции способствовала исключительная важность последней для выживания, а также то обстоятельство, что с их помощью разрешалось нараставшее противоречие между потребностью в речи и морфологическими препятствиями ей.

В свою очередь речь послужила основой развития общественных связей и понятийного мышления с его абстрактностью и фантазиями, наградившими их способностью как к изобретению и конструированию, так и к искусству и религии, – короче, стала предпосылкой возникновения *homo sapiens*.

Надо думать, не случайно, а обусловлено именно развитием речи и ума было появление как раз в это время *составных орудий* – с деревянной рукояткой: каменного топора, копий с кремневым наконечником и копьеметалок, –

что сделало возможной и безопасной **ДИСТАНЦИОННУЮ** охоту, с большого расстояния и даже в одиночку и даже в лесу, – тем самым позволило заселить леса Европы, Сибири, Конго, Сомали, Нубии и увеличило гибкость и ловкость кисти, а это послужило морфофункциональной предпосылкой создания кроманьонского лука и стрел, костяной иглы и, стало быть, одежды, статуэток и наскальной живописи.

Между тем всегда сохранявшаяся охота на водных животных тогда же привела к изобретению гарпуна, костяных крючков, сетей, плотов и примитивных челноков, а они дали возможность за тысячи лет расселиться по всем континентам – в первую очередь вдоль речных и морских побережий.

Так, преобразовав лицо, глотку, рот, мозг и руки, в завершение долгого противоречивого процесса антропогенеза огонь и рукоятка вывели предлюдей в люди.

Публикации по теме:

Ибраев Л. И. Наяпитеки – предки людей и противоречия антропогенеза. М.: ИНИОН, 1986, N 23880. – 44 с.

Ибраев Л.И. Некоторые проблемы симиальной теории антропогенеза. Наяпитековые истоки человека. // *Философские науки*. М.: Высшая школа, 1988, N 9, с. 37-46.

Ибраев Л.И. Предки человека – наяпитеки. // *Наука и жизнь*. М., 1989, N 9, с. 147-150.

Ибраев Л.И. Надзнаковость языка. // *Вопросы языкознания*. М.: Академия наук, 1981, № 1.

Ибраев Л.И. Кто же были предки людей? // *Марий Эл*, 1994, N 3, с. 79-83.

Ibraev L.I. Who were Human Ancestors? Naiapithec and Paradoxes of Anthropogenesis. // Internet: <http://www.mari-el.ru/homepage/ibraev/ancestors.htm>

Ибраев Л.И. Наяпитеки. Происхождение человека. Изд. ”Стринг”, – 2009 -10.-112 с., ил. Изд. 5-е, + доп. ISBN 978-5-91716-035-1

О приобретении и переиздании **типографских** книг
обращаться по адресу:

kokurin@nextmail.ru gazinur@list.ru newfrost@inbox.ru или libraev@mail.ru

Или в издательства.
